

ПУБЛИКАЦИИ

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ПО ИСТОРИИ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА

(Из работ ЮТАКЭ 1951 г.)

Состоящая в системе Академии наук Туркменской ССР Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) в течение 1951 года проделала значительную работу по освоению ранее собранных материалов и производству раскопок в ряде районов от Мешхеда-Мисрианского плато на западе до оазиса Древней Маргианы на востоке. Как и в прошлые годы, особое внимание уделялось периоду рабовладельческого общества, преимущественно эпохе существования Парфянского государства. Этим занимались шесть из девяти отрядов экспедиции. По этой же линии проходило более половины тематики камеральной обработки.

Путем лабораторных исследований установлено, что у парфян были в употреблении льняные ткани как будто из льна-долгунца, очень близкие к найденным ЮТАКЭ в 1946 г. в Багре средневековым льняным материям¹. Изготовленные из беловатого металла тонкие рельефные аканфы, остролисты и морда львицы из раскопок на горе Старая Ниса при производстве анализа показали, что в них, как и в некоторых монетах греко-бактрийских басилевсов II в. до н. э.², около 20% никеля приходится почти на 80% меди. Это впервые выявило, что такой металл шел в ту пору в Средней Азии не только на редкий монетный чекан, но имел и более широкое применение. В середине 1951 г. завершена реставрация основной массы высокохудожественных царских парфянских ритонов из сотен фрагментов, выкопанных на северном комплексе Старой Нисы. Около четырех десятков ритонов, некогда целиком вырезанных из слоновой кости, удалось восстановить почти полностью. От других ритонов, которые имели утраченные еще в древности стволы из драгоценных металлов, реставрированы постоянные рельефные фризы с различными изображениями и конечные скульптурные фигуры в виде крылатых фантастических существ. Это позволило выявить исключительное богатство сюжетного содержания резьбы на ритонах, служивших для торжественных церемоний и жертвенных возлияний вина (рис. 1).

Полевые исследования выявили ряд новых памятников рабовладельческого общества. На Мешхеда-Мисрианском плато, к западу от развалин Дахистана, установлено наличие системы каналов, орошавшей целый район до VIII в. и возникшей еще, по-видимому, в пору рабовладельческой формации. Несколько пунктов с археологическим материалом этой эпохи установлено близ Казанджика, к западу от него в сторону

¹ Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 420.

² М. Е. М а с с о н, Из загадок древней металлургии Афганистана, «За недра Средней Азии», 1932, № 2, стр. 65—68.

Красноводска, в районах, связанных со строительством Главного Туркменского канала. Одно парфянское поселение обнаружено в 4,5 км к северу от селения Мурча, Бахаденского района; другое — в 1,5 км к востоку от конца ущелья Чули, находящегося к западу от Ашхабада. При обследовании текинской крепости Геок-тепе, получившей известность в связи с военными действиями 1879—1881 гг. и со штурмом ее войсками Скобелева, оказалось, что она находится на месте крупного поселения парфянского времени. Расположенное здесь квадратное в плане городище Денгиль-депе представляет собой типичную парфянскую крепость площадью примерно 200×200 м, с шестью башнями по каждой стороне и питаделью в юго-западном углу. На ее поверхности встречена керамика первых веков н. э.

Рис. 1. Реставрированные парфянские ритоны в Археологическом кабинете Среднеазиатского государственного университета (Ташкент)

Особенно много новых памятников парфянского времени было открыто в 1951 г. в Мервском оазисе к северу от Байрам-Али, в том числе несколько крепостей. Самая маленькая среди них — Акча-депе I, расположенная на современном такыре в 26 км северо-восточнее Антиохии Маргианской (Гяур-кала), в северной части сравнительно небольшого поселения. Последнее усеяно на выдутой поверхности разнообразным инвентарем и, судя по встреченному тут материалу, существовало как при парфянах, так и в раннюю пору становления феодализма. Сама крепость, прямоугольная в плане (примерно 110×140 м), имела угловые башни (из которых северо-восточная и северо-западная не сохранились) и промежуточные, по две в каждом фесе. Исключение представляет южный, где их было три и где у юго-восточного угла расположены ворота. Вдоль стен с внутренней стороны на поверхности в изобилии лежат фрагменты керамики, свидетельствуя, что здесь тянулись какие-то постройки. В середине крепости возвышается платформа, на которой некогда стояло небольшое здание, возможно, появившееся уже в VI—VII вв. Среди встреченного материала имеются: бронзовые трехперые втульчатые наконечники стрел, мелкие керамические метательные ядра, небольшой каменный жернов (28 см в диаметре), железные шлаки и крицы, а также медные поздне-парфянские монеты.

Лучше сохранила свой «парфянский» облик крепость Чичанлык-депе, развалины которой расположены в 16 км к северо-западу от Антиохии Маргианской. Она защищала более крупное поселение, которое отчетливо прослеживается по встречающейся

вокруг на поверхности слабо выраженного микрорельефа керамике. Эта последняя начинает попадаться с восточной стороны почти за километр от Чичанлык-депе. Крепость представляет не совсем правильной разбивки четырехугольник со сторонами от 160 до 170 м. В каждой стороне имеются по две угловые и по четыре промежуточные прямоугольные башни, за исключением восточной, в которой устроены ворота. Верхние части стен сложены из крупного сырцового кирпича ($42 \times 42 \times 12$ см и $41 \times 41 \times 12$ см.). Внутри крепости пустое пространство, и только вдоль стен когда-то теснились постройки, о которых говорит сосредоточение здесь керамики парфянского типа. Неподалеку от юго-западного угла найдены две народные терракотовые фигурки парфянской богини-матери. Одна из них округлая и более ранняя по времени. Другая более поздняя: у нее скульптурная, высокого рельефа голова, плоско трактованное туловище, а одежда густо покрыта круглыми нашивными бляшками, напоминая украшения национальных костюмов туркменских женщин (рис. 2).

Наиболее крупной и лучшей по сохранности из обнаруженных в 1951 г. крепостей является Дурнали. Лежит она в 25 км к северо-западу от Гяур-калы, в центре значительного парфянского поселения. Площадь ее — около 3 га. В плане это неправильный четырехугольник, слегка вытянутый с севера на юг (рис. 3). Основания стен имеют скат на наружной стороне. Выше идет кладка из сырцовых кирпичей ($40 \times 40 \times 13$ см), из которых выведены и башни и стены. Стены хорошо сохранились до 6 м в высоту, что дало возможность предложить графическую их реконструкцию. Как и в крупной парфянской крепости этого же района, Чильбурдж (ВДИ, 1951, № 4, стр. 99), в стенах Дурнали устроено много подлинных и фальшивых стреловидных бойниц. Несмотря на различное протяжение, каждый фас крепости имел по две продолговатые двухъярусные башни на углах и по семь промежуточных прямоугольных, из которых каждая средняя была больших размеров, чем остальные. Иной вид был у южного фаса, в котором устроены ворота. Их прикрывало расположенное западнее самих ворот мощное, башенного типа сооружение, на оплывших склонах которого нами собрано свыше десятка кусков от крупных декоративных парфянских зубчатых кирпичных плит (до полуметра в длину при толщине почти в 7 см). Они напоминают аналогичные, но меньших размеров, плиты из раскопок на Старой Нисе¹. О первоначальном устройстве ворот судить нельзя, ввиду перестроек в IX—X вв., при которых использовался кирпич более мелкого размера ($32 \times 32 \times 6$ см). В юго-западной части крепости сохранились массивы двух крупных сооружений. От более северного из них уцелели пяты свода значительного пролета. Примерно в середине крепости высятся развалины помещения, вероятно, предназначавшегося для коменданта; там найдена одна медная парфянская монета. К югу, востоку и северу видны остатки еще каких-то построек, время возведения которых пока осталось невыясненным. Безусловно к IX—X вв. относятся сооружения вдоль восточного и отчасти южного фасов. Тогда же среднюю башню восточного фаса оштукатурили изнутри. Внутри крепости из предметов парфянского времени встречены: керамика (в особенности сосуды с под-

Рис. 2. Чичанлык-депе. Терракотовая фигурка парфянской богини-матери

¹ Г. А. Пугаченкова, Архитектурные памятники Нисы, Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 223.

кошенным дном), фрагмент терракотовой женской фигурки с головным убором, несколько напоминающим таковую у туркменок, и четыре парфянские медные монеты.

Поселение эпохи рабовладельческого строя окружало крепость Дурнали со всех сторон. К северу располагался квартал гончаров, где среди кусков керамических шлаков найдено каменное лощило. Южнее крепости подобран трехперый бронзовый наконечник парфянской стрелы. Всего с площади поселения собрано свыше десятка медных парфянских монет, две сасанидских (одна — Шапура I) и один саманидский фельс, выпущенный в Мерве в 305 г. хиджры с именем Насра, сына Ахмеда. Как удалось установить, поселение раннефеодального времени занимало преимущественно площадь к востоку, юго-востоку и югу от крепости.

Территории парфянских поселений Мервского оазиса, примыкающие к обследованным ЮТАКЭ крепостям, или засыпаются песком, сквозь который кое-где проступают остатки строений, позволяющие (как в Джин-депе) даже снять планы целых сооружений, или, вследствие интенсивного выветривания, почти сравнены с землей и имеют незначительный микрорельеф, но зато гуще усеяны керамикой и иными остатками. В обоих случаях наиболее характерными объектами среди них являются: ракушки из Индийского океана, бронзовые втульчатые и железные черешковые трехперые парфянские наконечники стрел, разнообразные терракотовые народные скульптурные фигурки различных божеств (преимущественно богинь) и, наконец, медные парфянские монеты. Подавляющее большинство их не имеет аналогий в общегосударственном чекане, хотя несут обычные для него типы ав. и гев., а именно: на лицевой стороне — бюст царя влево, а на обороте — сидящий вправо Аршак с протянутой вперед рукой, держащей лук. При этом легенды за самым малым исключением выполнены парфянским шрифтом и снабжены знаком «П», иногда с точкой в середине. Бюсты царей имеют позади круглую буклю, как у некоторых так называемых индопарфянских правителей (например, Пакура) или у Вологаза IV (конец II — начало III в. н. э.) и Хосрова (106—130 г. н. э.), но с иным типом прически в верхней части. Бороды, прически, трактовка глаз, а также эпиграфические данные легенд позволяют считать основную массу этих монет вышедшей не ранее второй половины I в. н. э. и принадлежащей местному маргианскому чекану, когда эта провинция, вслед за Гирканией, получила известную автономию. То, что они встречаются в значительном количестве в отдельных поселениях Маргианы, свидетельствует о развитой торговле с монетным обращением. Это характерно и для соседних амударьинских областей, где отмечается необычайное обилие медной монеты кушанского чекана. Показательно, что в области Нисы, гораздо более бедной, чем Маргиана, парфянских монет встречается очень мало. Вместе с тем, среди многолетних нумизматических сборов ЮТАКЭ по Марыйской области отсутствуют кружки кушанского чекана, тогда как современная им медная аршакидская монета весьма часта не только в Антиохии Маргианской, но и в окрестных поселениях. Это является лишним доводом против безусловно неверной точки зрения, будто Маргиана на протяжении около двух веков входила в состав государства «Великих кушан»¹.

Самые крупные раскопочные работы в 1951 г. производились близ Ашхабада на городище Старая Ниса, имеющем площадь до 14 гектаров и представляющем своеобразный дворцово-храмовый заповедник, связанный с местом погребения первых парфянских царей.

Для разрешения вопроса о водоснабжении города была осуществлена нивелировка, сопровождавшаяся соответствующими зачистками. Выяснилось, что вода поступала самотеком с западной стороны около существовавшего здесь прохода. Затем она шла в широтном направлении поперек городища с запада на восток и имела отлив

¹ Cp. R. Chirshman, Bégram. Recherches archéologiques et historiques sur les Kouchanes, «Mémoires de la délégation archéologique française en Afghanistan», XII, Caire, 1946, стр. 151.

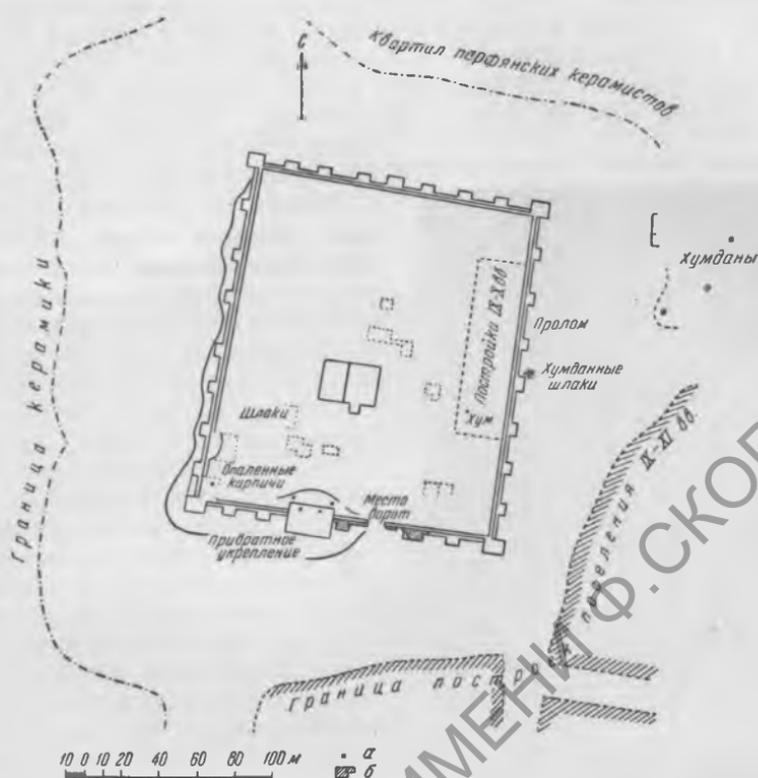

Рис. 3. Парфянская крепость на городище Дурнали (схематический план)

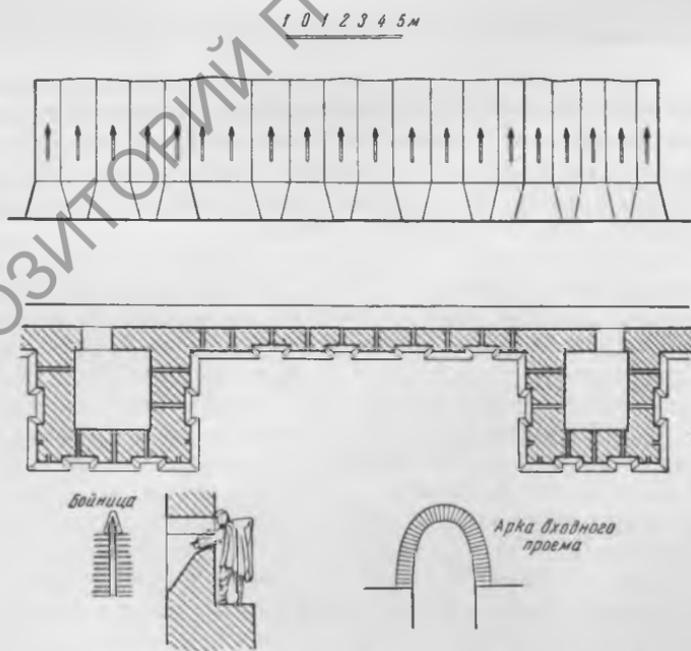

Рис. 4. То же (детали стены восточного фаса)

в сторону так называемого северного комплекса. Здесь под полами коридорообразного помещения и 14-й колонной комнаты установлено наличие магистрали из глиняных обожженных труб, выведших воду за пределы дома на север. Главный же водосток огибал южный архитектурный комплекс с востока, поворачивал на юг и наполнял здесь ряд крупных водоемов. Труба, видневшаяся с наружной южной стороны

Рис. 5. Старая Ниса. Крупный герракотовый аканф из «круглого зала»

крепостной стены и принимавшаяся прежними исследователями за начало ввода воды в крепость, при расчистке оказалась лежащей с наклоном наружу. Дальнейшие исследования показали, что здесь под стеной изнутри крепости была выкопана длинная овальная в сечении, галерея до полутора метров высоты при ширине несколько меньше метра, на наклонном дне которой проложили магистраль. Сами трубы оказались более крупными (длиной до 85 см при диаметре в 21—25 см), чем средневековые. Эта магистраль была предназначена для спуска воды за пределы крепости, а упоминавшаяся торчащая труба была ее концевой частью.

Закладка широких разведочных шурфов на ровных местах городища Старая Ниса привела к обнаружению культурных слоев с остатками сооружений. Неподалеку от юго-восточного угла северного комплекса была обнаружена поздняя парфянская мусорная яма, прорезывавшая стены древней парфянской кладки. Наблюдения над молодым травяным покровом показали, что значительные территории, принимавшиеся за лишенные строений пустыри, площади и широкие проезды, в действительности в свое время были заняты какими-то строениями. Топографическая съемка с учетом

растительного покрова позволила нам понять план участка между северным и южным архитектурными комплексами. Раньше тут предполагалась широкая улица — теперь намечилось наличие остатков оград или стен. Таким образом, 1951 год показал, что Старая Ниса была в свое время покрыта более густой застройкой и имела более сложную планировку, чем это считалось раньше.

В южном дворцово-храмовом комплексе велись раскопки «круглого зала», имеющего 17 метров во внутреннем диаметре. В 1951 г. удалось открыть примерно треть его внутренней площади. Мощные стены сооружения, сложенные из парфянского сырцового кирпича, уцелели на высоту до 6 м, утратив при этом больше половины. В их нижней части сохранились остатки гладкой белой штукатурки. При раскопке найдено несколько великолепных крупных герракотовых аканфов, явно предназначенных для капителей (рис. 5), а также фрагменты профилированных рельефных и прорезных герракотовых плит с различными изображениями (полумесяца, горита и др.). Очевидно, в «зале» были колонны или полуколонны, располагавшиеся во втором ярусе стен подобно тому, как это имело место на острове Самофраке в Арсинойоне. Последний был построен в начале III в. до н. э., на несколько десятков лет раньше, чем «круглый зал» в «Старой Нисе», возведенный во второй половине того же столетия. Упомянутые профилированные плиты с изображениями могли, как и в Арсинойоне, располагаться в нижних частях интерколумниев. По мере приближения к полу стали попадаться лежащие горами фрагменты от разбитых окрашенных крупных глиняных статуй. Зачистка их не производилась из-за наступления сырой погоды и была пере-

иссезнена на 1952 г. Тщательное изучение внутреннего завала выявило несколько этапов в истории разрушения здания после III в. н. э. Из отдельных предметов заслуживают быть отмеченными алебастровые пустотелые комья, покрытые снаружи оттисками печатей с неразгаданными знаками, имеющие внутри остатки семян каких-то дикорастущих растений, видимо, связанные с справлявшимися здесь религиозными обрядами. Возможно, что они являлись votivными приношениями. Особенно знаменательна находка фрагмента части женской руки из белого мрамора немного меньше натуральной величины.

Рис. 6. Старая Ниса. 18-ое колонное помещение северного комплекса

Главное внимание при работах 1951 г. было сосредоточено на северном архитектурном комплексе. Здесь выявлены контуры большого дома, занимавшего с внутренним двориком площадь примерно в 3500 м². По его четырем сторонам вскрыты крупные колонные помещения. Эти однотипные комнаты принадлежат первому строительному периоду основного здания, в архитектуре которого удалось установить наличие определенных модульных закономерностей. Раскопками выяснено, что первоначально дом состоял из квадратного дворика в центре, окруженного со всех сторон портиками, деревянные колонны которого опирались на каменные базы. За портиками в каждой стороне имелось по три крупных помещения с четырьмя колоннами по длинной оси каждого (рис. 6). Колонны стояли на базах из зеленоватого песчаника или из жженных кирпичей, покрытых толстым слоем алебастра. У здания имелся только один проход в южном фасаде близ юго-западного угла.

Помещения второго строительного периода появились вдоль восточного фасада. Портик был застроен со стороны двора стеной и разделен поперечными перегородками на отдельные отсеки. Из комнат второго периода особенно интересна кордегардия, имеющая внутри по обе стороны входных дверей две крутые, ведущие на крышу лестницы. На полу здесь встречены между прочим короткие трехперые черешковые парфянские наконечники стрел, а около дверей — привезенный из Египта сосуд из алебастра с двумя ручками (рис. 7), напоминающий аналогичный предмет V в. до н. э. с именем

ахеменидского царя Артаксеркса¹. Полностью раскопано длинное коридорообразное помещение третьего строительного периода, вытянутое вдоль северного и западного фасадов. Оно своим нижним концом упиралось в поперечно отходящую комнату с белой штукатуркой. В вскрытой части этой комнаты обнаружена пристенная колонна, ствол которой по белому фону покрыт росписью в виде красных гирлянд, переплетенных черными лентами со спускающимися в местах перехватов петлями.

Тщательное послойное изучение всех помещений, наблюдения за стыками стен, характером их кладок, простукивание оштукатуренных поверхностей и, наконец,

Рис. 7. Старая Ниса. Египетский сосуд из полупрозрачного алебаstra

начатый разбор закладок дверных проемов позволили выяснить не только периодизацию в истории сооружения раскапываемого крупного дома. Удалось наметить ряд последовательных этапов в постепенном заполнении различными предметами отдельных помещений с последующим их замуровыванием. Выяснено, что в каждом фасаде раньше наполнялись вещами крайние комнаты, наружные двери которых тщательно заложены и оштукатурены и снаружи и внутри, после чего оставшийся ненужным проход использовался для устройства дополнительной площади выступов-полок, тянувшихся вдоль стен помещений. Выходили из этих комнат через боковые пролеты в средние помещения, после чего двери наглухо заделывались и штукатурились, но уже только со стороны средней комнаты. По заполнении последних, их покидали через наружную дверь, которую закладывали и заштукатуривали лишь снаружи. При

постепенном устройстве перегородок в пристройке второй очереди в них не оставляли никаких проемов, а по использованию всей наличной площади получившихся отсеков, наружную дверь, расположенную у северного конца, замуровали и скрыли под общей для всей стены штукатуркой. Разборка добавочной вставки «полки» у наглухо заделанной внутри и заштукатуренной наружной двери 16-го помещения обнаружила заложенные в кладку две великолепной сохранности художественной работы тетрадрахмы греко-бактрийского царя Евтидема I, правление которого условно принято помещать между 220 и 200 гг. до н. э. На лицевой стороне их изображен бюст царя с диадемой вправо; на обратной — фигура сидящего на скале Геракла, опирающегося правой рукой на палицу (рис. 8); по сторонам легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΕΥΘΥΔΗΜΟΥ. Как известно, в правление Евтидема Маргиана еще не входила в состав Парфии и принадлежала Греко-Бактрийскому царству. Находка двух упомянутых тетрадрахм лишней раз подкрепляет наши определения времени сооружения дома, которое мы с самого начала раскопок относили к концу III в. до н. э.² Среди прочих монетных находок в других

¹ Атлас по истории культуры и искусства Древнего Востока, [Государственный Эрмитаж, М.—Л., 1940, стр. 48, табл. 104.

² М. Е. М а с с о н, В Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, ИАН СССР, Серия истории и философии, 1950, т. VII, № 2, стр. 189.

Рис. 8. Старая Ниса. Тетрадрахма Евтидема I из заклада
прохода 16-го колонного помещения

Рис. 9. Старая Ниса. Увеличение оттиска парфянской печати

местах имеется позднее подражание драхме Александра Македонского (комната 18) и великолепный сельвкидский крупный литой халк со скошенным гуртом времени Антиоха III Великого, противника Евтидема I. На лицевой стороне одной монеты помещен бюст царя вправо, а на оборотной — идущий вправо слон и легенда ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ.

Исследования 1951 г. ознаменовались неожиданным открытием, имеющим значение не только для понимания северного комплекса Старой Нисы. С 1948 г. на полу в на «полках» нам попадались мелкие неоформленные комочки черновато-серой глиняной массы, назначение которых оставалось непонятным. Раскапывавшиеся в 1951 году колонные помещения заключали в себе аналогичные комочки несколько больших размеров и относительно лучшей сохранности. Подвергнутые тщательной очистке, они оказались несущими оттиски различных гемм-печатей. В нескольких случаях путем подбора отдельных кусочков удалось восстановить примерную форму комков, через которые пропускались концы бичевки и на поверхности которых отпечатывались печати. Выяснилось, что мятые между ладонями рук комки накладывались на разной формы поверхности, в том числе, видимо, и на специально заготовленные дощечки. Материалом для этого своего рода «сургуча» служила, повидимому, особая глина, в которую добавлялся тальк. Получавшаяся при этом масса при смачивании обладала хорошими пластическими свойствами. После высыхания она становилась относительно прочной. Таким образом, был установлен факт, что в большом доме, имевшем один проход, охраняемом в течение нескольких столетий существования парфянского государства стоявшими на крышах караулами, были не только замурованы дверные проемы, но внутри комнат ошнурованы и опечатаны находившиеся в них предметы.

Последующее изучение, показало, что в акте опечатывания принимали участие несколько комиссий, не менее чем из четырех лиц каждая, причем, в связи с одновременностью своей деятельности, они работали всякий раз в ином составе. Наличие в разных, даже соседних комнатах повторяющихся оттисков печатей, принадлежавших одним и тем же лицам, является исключением. Поскольку одна и та же печать в пределах одной комнаты оказывалась оттиснутой несколько раз, по уцелевшим фрагментам нам удалось в ряде случаев постепенно восстановить изображения, бывшие на самих подлинниках. Всего на данный момент выявлено несколько более полусотни печатей, принадлежавших представителям парфянской знати, жрецам и чиновной бюрократии I в. до н. э.—II вв. н. э.

Судя по характеру оттисков, подавляющее большинство печатей представляло собой резанные на самоцветах и отчасти, может быть, на стекле и металле геммы, вправленные в металлические, вероятно золотые, кольца. Щитки гемм или круглые (всего 10 штук с диаметром от 9 до 12 мм) или овальные, преимущественно эллиптические (рис. 9). Из них больше всего вертикальных (максимальные размеры 11 × 18 мм; минимальные 5 × 9 мм) и меньше горизонтальных (максимальные размеры 18 × 13 мм; минимальные 9 × 6,5 мм).

Сюжеты помещенных на щитках изображений очень разнообразны. На четырех геммах вырезаны отдельные наковальни, что в известной мере перекликается с нередким изображением на вышеупомянутых ритонах фигуры Гефеста, иногда в сообществе парфянских муз и что, видимо, намекает на распространенность среди парфян культа бога-кузнеца. Почти половина печатей несет изображения божеств (Афины, Эроса и др.) и фантастических существ (сфинксов, кентавра, дракона). Особой популярностью у воинственных парфян, видимо, пользовалась Ника. Почти 20% из числа восстановленных в 1952 г. изображений на различных геммах имеют на щитках фигуры Ники, идущей влево с венком и пальмовой ветвью в руках. Иногда она одна; в других случаях она стоит перед подбоченившимся всадником, протягивающим руку за лавровым венком. Не менее популярны сцены охоты. Одиночные охотники то пешие, то конные преследуют оленей, козлов, джайранов, антилоп-сайга, стреляя в них из небольшого лука. Животные несутся в стремительном беге вправо, иногда как бы привстав на задние ноги и обернув назад в сторону охотников голову. В некоторых случаях жертву преследует орел (рис. 10). На двух геммах это явно дрессированные охотничьи орлы, так как

лошади у них развеваются концы завязанной на шее ленты. На одной гемме на мчащую влево дикую козу набросился орлеподобный грифон с тяжелым завитком вместо хвоста. Тема всадника весьма распространена; на одной гемме представлен человек, сидящий на верблюде. Имеется сцена единоборства человека с поднявшимся на задние ноги чудовищем, по сюжету близкая ахеменидскому искусству. На другой гемме всадник с копьем наперевес мчится на поднявшегося на задние лапы льва. Очень часты изображения животных: горбатый зебу, коза, кормящая козленка и др. Иногда эти животные парные или обращены друг к другу поднятыми вверх мордами или расположены по обе стороны дерева. Интересно отметить наличие у некоторых лошадей выстрижки стоящей гривы с пропусками, как мы видим это на некоторых наскальных

Рис. 10. Старая Ниса. Восстановленные по фрагментам оттисков рисунки парфянских гемм (овалы и круг слева — натуральная величина печатей)

изображениях, на ранне-средневековых памятниках и как в Южном Туркменистане делают туркмены до сих пор.

На некоторых оттисках усматриваются следы букв коротких надписей. Только в одном случае надпись выполнена явно греческим алфавитом с утяжеляющими концы точками. На фрагменте оттиска читается: **ΑΙΣΙΝΥ**, но можно допустить, что на самой печати впереди стояло еще какое-то слово. Несмотря на чисто греческое имя, владелец печати по происхождению мог быть знатным парфянином, присвоившим себе «по моде» добавочное греческое прозвище. Остальные дошедшие до нас коротенькие надписи на оттисках выполнены парфянским алфавитом и содержат, повидимому, имена, прозвища и, может быть, названия должностей. Во всяком случае, М. М. Дьяконов на одной из гемм прочитал чисто парфянское имя Тиридат. Все эти оттиски весьма интересны в эпиграфическом и лингвистическом отношениях. Кроме того, они важны как целый комплекс подлинно парфянских гемм, которые позволяют проконтролировать прежние определения гемм в различных музейных собраниях¹.

Хотя основная масса предметов, некогда замурованных в отдельных помещениях раскапываемого на Старой Нисе здания, исчезла при их ограблении в III в. н. э. после

¹ О весьма невысоком уровне научных знаний о парфянских геммах можно судить по статье N. C. Debevoise, *Parthian Seals*, SPA, т. I, London — New-York, 1938, стр. 471.

падения династии Аршакидов, тем не менее даже оставшаяся незначительная часть отличается большим разнообразием. В 1951 г. обнаружены предметы из слоновой кости, разных пород камня, раковин, мастик, железа, меди, серебра, глины. Среди керамики интересны несколько плоских, круглых фляг для вина с двумя ушками по обе стороны широкого и высокого горлышка (рис. 11). Некоторые из фляг покрыты беловато-зеленой поливой. Что в раскапываемых помещениях в свое время были сосуды из драгоценных металлов, указывает между прочим находка плоских фигурных серебряных,

Рис. 11. Старая Ниса. Керамическая парфянская фляга (мустахара) для вина

Рис. 12. Старая Ниса. Серебряная ручка канфара

частично позолоченных, ручек от пяти канфар позднего типа, которые, по мнению В. Д. Блаватского, могут быть датированы концом II—I вв. до н. э. (рис. 12). В нескольких местах встречены остатки истлевших тканей, покрытых раскраской и позолотой. В углу 20-го помещения скопление такой тяжелой ткани образовало многослойную толщу в несколько сантиметров. Судя по наличию украшавших ее бронзовых бляшек, можно думать, что это — парадная конская попона. Добыто много остатков стеклянной утвари, гладкой и гофрированной, расписной и частично позолоченной. Впервые получены целые ромбовидные толстые плитки синего литого стекла, служившие, очевидно, для инкрустации крупных деревянных предметов. Очень эффектные большие рубчатые бусины, отлитые из непрозрачного стекла. Нашлось несколько фрагментов изделий, выточенных, из горного хрусталя.

Из оружия, кроме железных черешковых наконечников стрел, встречены: крупная, тяжелая железная секира; много пандырных железных пластинок разных типов, в том числе, от брони тяжеловооруженных парфянских всадников и их лошадей; бронзовый умбон от щита с изображением головы Горгоны, а также два овальных парфянских щита. Один из них, наиболее крупный (78 × 87 см), был, несомненно, парадным. Он украшен по краю десятью массивными железными пальметками, чередующимися с десятью изображениями стоящих орлов с повернутой назад головой. Середину щита занимает большой железный трезубец.

Среди предметов из слоновой кости хороши вырезанная в виде плоской пластины голова льва и части ритонов, дающие новые варианты к ранее добытым аналогичным

предметам (например, рога оленя, служившего концевой скульптурной фигурой, или согнутые рога от исключительно крупной фигуры крылатого львopodobного грифона). Особенно же интересна находка художественной работы ларца. Его деревянные части утрачены, но сохранились многочисленные и разнообразные, служившие инкрустацией, пластинки из слоновой кости. Среди них прямые линейки, которыми выкладывалось обрамление рамок; всевозможных форм отдельные элементы орнамента: всякого вида розетки, листья и грозди винограда, змеи, головы собаки, орлеподобного

Рис. 13. Старая Ниса. Дионис. Деталь инкрустации из слоновой кости

Рис. 14. Старая Ниса. Позолоченная терракотовая фигура

грифона, силенов; задранированные в пышные восточные одеяния фигуры парфянского Диониса (рис. 13), опирающегося правой рукой на тирс, может быть, Ариадны и еще какого-то третьего персонажа.

По сравнению с несколько примитивно трактованными глиняными народными маргианскими скульптурами, изображающими различные парфянские божества, найденные на северном комплексе терракотовые фигурки отличаются большим изяществом. Они сделаны из тонко-отмученной светложелтой глины, очень легки, пустотелы, если представляют собой круглую скульптуру, и сплошь покрыты позолотой. Одна такая фигурка представляет возлежащую на скале женщину, может быть, ваяду. В художественном отношении особенно хороша фигурка обнаженной девушки, от которой до нас дошла часть торса и голова с интересной трактовкой глаза (рис. 14).

В 17-ом помещении оказалось несколько металлических скульптурных фигурок, преимущественно серебряных с частичной позолотой. Среди них сказочное крылатое существо с женской грудью и головой, на одной звериной лапе львopodobного грифона. По мнению В. Д. Блаватского, это одна из трех ножек от цилиндрической писты, служившей для хранения рукописных свитков-волюменов. Из беловатой бронзы выполнена массивная фигурка крылатого сфинкса с туловищем льва, с женской грудью и головой, несущей тяжелую своеобразную прическу (рис. 15). Судя по позе сфинкса и по сохранившимся у оснований ног пластинкам, эта скульптура могла служить

Рис. 15. Старая Ниса. Бронзовая фигурка сфинкса

Рис. 16. Старая Ниса. Серебряная фигурка Эроса

Рис. 17. Старая Ниса. Серебряная позолоченная фигурка Афины

дной из двух декоративных ручек, приклепывавшихся по обе стороны горла крупной металлической вазы. Изначна серебряная фигурка готового к отлету обнаженного младенца Эрота (рис. 16). Привстав на дыпочки, расправив позолоченные крылья, бог протягивает вперед руки, на которые надеты два браслета из золотой проволоки. Совершенно в ином духе почти сплошь позолоченная фигурка парфянской Афины. Серебряными оставлены только лицо и обнаженные руки. Богиня до низу задранирована в складчатые одежды. На груди ее — эгида с головой Горгоны. В правой руке — булава или диск. В левой руке, видимо, были утраченные в древности копье или щит. На голове — высокий парфянский шлем (рис. 17). Лицо богини совсем не похоже на канонизированные в греческом искусстве изображения Афины. Небольшая изогнутость чуть запрокинутого назад туловища и слегка косою срез основания указывают на то, что фигурка была посажена на какую-то наклонную поверхность. Возможно, что и Эрот и Афина венчали крышки цист или других предметов.

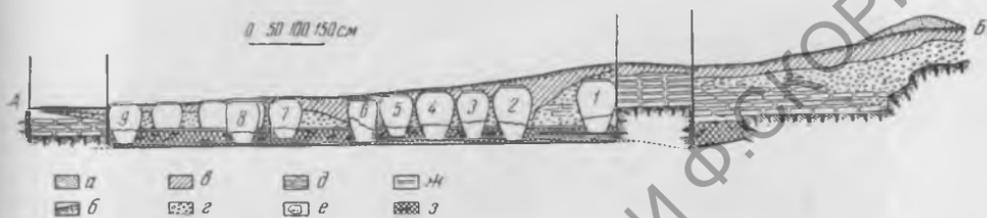

Рис. 18. Старая Ниса. Разрез хумханы I и хумханы II с обозначением мест паходон парфянских документов. Условные обозначения: а — отвал земли 1936 г.; б — деревяной слой; в — натечно-надувной слой; г — разрушенная кирпичная кладка; д — сырцовые кирпичи; е — позднейшие погребения; ж — уровень пола; з — насыпной слой под полом со включениями остраков

Раскоп, заложенный рядом с большим домом, восточнее 11-ой колонной комнаты, где была найдена основная масса царских ритонов, примерно в 8 метрах от восточного фаса наружной стены сокровищницы, вскрыл никак не связанные с ней строения позднепарфянского времени. В 1951 г. были расчищены три помещения. Два из них оказались винными складами, в пол которых в три ряда были закопаны на глубину до 30 см типичные парфянские хумы-пифосы разных размеров. В более крупном складе (хумхана) их размещалось до трех десятков. Третье помещение, раскопанное частично, имело вдоль южной стены небольшую оштукатуренную алебастром полку и прямоугольный оштукатуренный резервуар (1,90 × 3,10 м). На его выложенном бесформенными каменными плитами дне оказался слой слежавшихся виноградных косточек, имевший в середине толщину до 12 см, а у краев — до 30 см. У западной стены откопаны два стоящих рядом парфянского облика, но не совсем обычных, крупных хума-пифоса с венчиками почти без заплечиков и с очень широкими отверстиями. Несомненно, что здесь находилось здание, связанное с хранением вина (рис. 18). Расположение постройки вблизи сокровищницы заставляет предположить, что вино это предназначено для дворцовых, а вероятнее, храмовых нужд. Наличие слоя виноградных косточек в 12—30 см толщины на дне резервуара показывает, что использование его было прекращено каким-то событием, превратившим обычный уклад жизни в Старой Нисе. Очень возможно, что этим событием являлось свержение династии Аршакидов и падение Парфянского государства.

Углубление ниже уровня пола привело к еще одному значительному открытию. Оказалось, что при выравнивании строительной площадки перед возведением сооружений под пол и стены попало немалое количество парфянских надписей, написанных на фрагментах сосудов. Всего было извлечено около 150 остраконов. Часть этих остраконов по своему содержанию близка к прежде найденным ЮТАКЭ

в Нисе налоговым документам¹, связана с изготовлением вина и по разобраным по датам относится к концу II в. до н. э. К моменту возведения раскапываемых хозяйственных помещений эти остраконы утратили всякое значение и в связи с этим попали в засыпку (рис. 19). Каково содержание вновь открытых остраконов, покажет их расшифровка. Несомненно, однако, что находка столь значительного числа памятников парфянской письменности открывает новые перспективы в изучении парфянского

Рис. 19. Старая Ниса. Парфянские остраконы, обнаруженные под полом хумханы I

языка, эпиграфики и истории на основе подлинных документов, обнаруженных на территории коренных земель Парфии.

В связи с проблемой древних кочевнических культур были проведены раскопки могильных курганов в районе Коджа-Баши. Вскрытие производилось в двух «цепочках» из которых одна состоит из трех, а вторая из четырех курганов. Их земляные насыпи имели от 1 до 1,5 м высоты и от 25 до 40 м в диаметре. Полностью были вскрыты два кургана (работы вел отряд под руководством А. А. Марущенко).

В обоих раскопанных курганах оказался «катакомбный» тип погребений. Могилы закладывались галькой или крупными сырцовыми кирпичами парфянского типа (40 × 40 × 12 см), причем на некоторых из них по сырой глине пальцем прочерчивали как бы овальная тамга. Оба раскопанных кургана оказались неразграбленными, погребения в них были несколько нарушены лишь обвалом кровли. В одном из них (в Кизыл-Чешме) было женское погребение; в другом (у Хаса) — мужское. Костяки лежали в вытянутом положении на спине, головой на юг. Могильный инвентарь в обоих случаях был очень скромен. Глиняные сосуды, сделанные на гончарном круге, сближаются с керамикой поздне-парфянского облика. Среди них интересны маленькие грязно-зеленоватой поливы, и большая, неглазурованная, фляги из мужского погребения. Анализ массы, соскобленной со стенок крупной фляги, показал, что в ней в момент захоронения находилось вино, изготовленное из кишмиша, распространенное и позднее у средневековых кочевников — гузов. В более разнообразный инвентарь

¹ И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, М. Е. Массон, Налоговые парфяnsкие документы II в. до н. э. из Нисы. «Материалы ЮТАК», вып. 2, М.—Л., 1951.

кужского погребения, кроме керамических сосудов, входил (рис. 20) небольшой бронзовый котел с двумя ручками на низком плоском поддоне; выточенный из ленточного агальматолита сосудик с двумя ручками, трактованными в виде стилизованных животных, заключающий в себе остатки наземных частей каких-то растений; узкая чернотерка; короткий прямой железный кинжал; двусторонний железный клинок прямого меча (длина 83 см); трехперые железные черешковые наконечники стрел. Сохранившийся женский череп чисто европеоидный, мезоцефальный. Точную дату погребений пока установить не удалось. По типу раскопанные курганы напоминают

Рис. 20. Часть инвентаря из могильного кургана у Хаса. Слева—бронзовый котел

аналогичные курганные погребения, изучавшиеся мной в 1928 г. в долине Ангрена у Тойтубе и в 1935 г. на правом берегу Чирлика, которые относились примерно к III в. н. э. Судя по всем признакам, раскопанные в районе Коджа-Бами погребения принадлежат кочевому народу и должны быть отнесены ко времени не ранее первых веков н. э. Раскопками этих курганов положено начало изучению древних кочевнических культур Южного Туркменистана.

К достижениям ЮТАКЭ 1951 г. принадлежат новые наблюдения над сельскими поселениями Маргианы поры рабовладельческого общества, верхний культурный слой которых содержит материал «поздне-парфянского облика». Между тем, он сопровождается сасанидскими медными монетами, выпущенными в правление Арташира I (224—241), Шапура I (241—272), Бахрама II (276—293) и Хормизда II (302—309). По форме и весу эти монеты еще близки парфянским. Так как никакого более позднего материала на большинстве таких поселений нет, то, очевидно, они после того замерли и перестали существовать. Из этих наблюдений вытекает несколько существенных выводов. Во-первых, в течение нескольких десятилетий после падения Парфянского государства в облике бытового инвентаря не произошло существенных изменений по сравнению с предшествующим временем и он, будучи по формальному признаку так называемым «сасанидским», по существу оставался присущим поре рабовладельческого общества. Во-вторых, хотя падение государства Аршакидов и приход к власти династии Сасанидов были вызваны наступлением кризиса рабовладельческого строя, но окончательное крушение рабовладельческого общества, с резко проявившейся на составе и облике археологического инвентаря переменой экономического базиса, произошло лишь в IV в. В третьих, пора кризиса рабовладельческого общества сопровождалась определенным упадком развитой до того жизни сельских районов, что как-то связано, вероятно, с появлением в Южном Туркменистане хионитов и других племен, сдвинутых со своих мест так называемым «великим переселением народов».

Падение государства Аршакидов, конечно, знаменовало в какой-то мере конец

эпохи наивысшего развития рабовладельческого общества в Южном Туркменистане, хотя естественно, что «новое» не могло мгновенно вытеснить и не замести сразу «старого». Мы видим и по письменным источникам, что, несмотря на проводимую сасанидским правительством политику борьбы со всем, чем-либо напоминавшим Парфию, положительных результатов им удалось добиться «в этом не так скоро». Даже термин «Парфия» вывели из употребления не так быстро, заменив его термином Хорасан. Еще в третьей четверти III в. н. э. Мани, казненный в царствование Бахрама I (273—276), писал, что он проживал «в течение многих лет в Персии, в стране парфияни до Адибы» (вероятно — Адиабены)¹. Вместе с тем известный текст автора IV в. Аммиана Марцеллина (кн. XXIII, 6) о якобы оказываемых, как он пишет, «в наши дни», Аршакидам преимуществах, явно носит на себе следы литературного анахронизма.

В заключение хочется подчеркнуть определенное стремление многих зарубежных специалистов опорочить, всячески приуменьшить народы Средней Азии и сопредельных с нею стран, начиная с умаления их прошлого, в частности эпохи Парфянского государства. Если в Англии XVII в. историк-публицист Д. Мильтон, противопоставляя Рим и Парфию и отдавая предпочтение первому, все же отмечал, что «кроме этих двух монархий, остальные погружены в варварство», то в XX в. в Кембриджской истории В. В. Тарн тенденциозно пишет про Парфию, будто даже «нет данных, что государи и знать были действительно затронуты греческой культурой»².

Работы ЮТАНЭ 1951 г. своими новыми открытиями убедительно опровергают предвзятые высказывания буржуазных ученых и содействуют восстановлению подлинной истории древних народов Средней Азии и сопредельных стран, а также справедливой оценке их роли в мировой культуре.

М. Массон